

Такое стихийное нападение, очевидно, поразило всех своей неожиданностью. Бесполезно доказывать, что убийства не были подготовлены Коммуной и Дантоном, как любят уверять роялистские историки¹. Они явились, наоборот, настолько непредвиденными, что Коммуне пришлось наскоро принять меры, чтобы охранить тюрьму Тампль, где содержались король и его семейство, а также спасти сидевших за долги, за неплатеж кормовых и т. п., равно как и арестованных придворных дам, близко стоявших к Марии-Антуанете. Этим дамам комиссарам Коммуны удалось спасти только под покровом ночи, но и то с большими трудностями и с риском самим погибнуть от рук толпы, окружавшей тюрьмы и наводнявшей соседние улицы².

Как только в Аббатстве начались убийства, — а они начались, как известно, около половины третьего³, Коммуна немедленно приняла меры, чтобы помешать им. Она тотчас же известила Законодательное собрание, которое отрядило своих комиссаров для переговоров с народом⁴. В заседании же Генерального совета Коммуны, открывшемся после полудня, прокурор Коммуны Манюэль уже сообщал около шести часов о своих тщетных усилиях остановить убийства. «Он говорит, что усилия и 12 комиссаров Национального собрания, и его собственные, а также усилия его коллег, членов городского управления оказались тщетными и не могли спасти преступников от смерти». В вечернем заседании Коммуна выслушала доклад своих комиссаров, посланных ею в Форс, и решила, что они отправятся туда снова для успокоения умов⁵.

Коммуна велела также в ночь со 2-го на 3-е командующему национальной гвардией Сантерру отправить несколько отрядов для того, чтобы остановить убийства. Но национальная гвардия не хотела *вмешиваться*. Иначе батальоны, по крайней мере наиболее умеренных секций, несомненно, были бы направлены в тюрьмы. Очевидно, общее мнение в Париже было таково, что вывести войска против

¹ Указывают на то, что многие арестованные Коммуной были выпущены из тюрем между 30 августа и 2 сентября благодаря вмешательству Дантона и других революционных деятелей, и говорят: «Вы видите, что они спешили спасти своих друзей!» Но забывают одно, что из 3 тыс. человек, арестованных 30-го, почти 2 тыс. были выпущены. Для этого достаточно было, чтобы кто-нибудь из революционеров, членов секций, поручился за того или другого заключенного. Что касается Дантона и его роли в сентябрьские дни, то об этом см.: *Aulard A. Etudes et leçons sur la Révolution française*. Paris, 1893—1897, 3 série.

² Гувернантка наследного принца — госпожа де Турзель со своей молоденькой дочерью Полиной, три горничные королевы, госпожа де Ламбаль и ее горничная были перевезены из Тампля в Форс. Там все они, кроме госпожи де Ламбаль, были спасены комиссарами Коммуны. В два часа ночи со 2 на 3 сентября, комиссары Трюшо, Тальен и Гиро явились в Собрание с отчетом о сделанном ими в этом направлении. Из тюрем Форс в Сент-Пелажи им удалось вывести всех заключенных за долги. Сообщив об этом Коммуне (около 12 часов ночи), Трюшо отправился опять в Форс, чтобы выручить всех женщин. «Я вывел их оттуда 24, — пришел он сообщить Коммуне. — Мы в особенности старались охранить мадемуазель де Турзель (дочь гувернантки) и мадам Сент-Брис... Ради собственного спасения нам пришлось, однако, удалиться, потому что нам стали угрожать. Мы отвели этих дам в секцию Прав человека в ожидании суда над ними» (*Buchez B. — J., Roux P. — C. Histoire parlementaire de la Révolution française*, v. 1—40. Paris, 1834—1838, v. 17, p. 353). Эти слова Трюшо вполне достоверны, потому что из рассказа Полины де Турзель, изданного впоследствии, видно, с какими трудностями удалось комиссару Коммуны (которого она не знала и о котором говорит, как о каком-то неизвестном) провести ее по улицам, прилежавшим к тюрьме, полным народа, который следил за тем, чтобы не увели никого из заключенных. Госпожа де Ламбаль тоже едва не была спасена, благодаря усилиям Петиона, и до сих пор остается под сомнением, какие силы помешали этому. Говорили, между прочим, об эmissарах герцога Орлеанского, который желал ее смерти, называли даже имена. Несомненно, одно: в том, чтобы эта подруга королевы (ее доверенная со времени известного дела с ожерельем) не сказала ничего лишнего, было заинтересовано столько влиятельных лиц, что нет ничего удивительного в том, что спасти ее оказалось невозможным.

³ *Journiac de Saint-Meant. Mon agonie de trente huit heures.*

⁴ В числе их были Базир, Дюсо, Франсуа де Нёшато, известный жирондист Инар (Isnard) и Лекинио. Базир пригласил присоединиться к ним бывшего священника Шабо, пользовавшегося любовью населения предместий (*Blanc L. Histoire de la Révolution française*, v. 1—3. Paris, 1869, v. 2, 1. 8, ch. 2).

⁵ См. протоколы Коммуны, цитированные у Бюше и Ру (*Buchez B. — J., Roux P. — C. Op. cit.*, v. 17, p. 368). В докладе, сделанном Законодательному собранию позднее, ночью, Тальен подтвердил слова Манюэля: «Прокурор Коммуны, — говорил он, — явился первым (в Аббатство) и сделал все, что только могли подсказать ему его преданность делу и гуманность. Он не достиг ничего, и на его глазах, у его ног, пало несколько жертв. Сам он также подвергался опасности, и его пришлось увести, чтобы он не пал жертвой своего рвения». В 12 часов ночи, когда толпа народа направилась к тюрьме Форс, «наши комиссары», докладывая Собранию Тальен «пошли туда, но ничего не добились. Депутации приходили в тюрьму одна за другой, и в тот момент, когда мы ушли, туда направлялась еще новая депутация». Народ их не слушал: он утратил всякую веру в Собрание.